

УДК: 327(471+510)

10 ЛЕТ ДОГОВОРУ О ДОБРОСОСЕДСТВЕ, ДРУЖБЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Виктор Лаврентьевич ЛАРИН,

доктор исторических наук, профессор, директор
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: victorLar@mail.ru

В статье анализируются результаты и характер отношений между Россией и КНР в первое десятилетие XXI в. Отталкиваясь от сути и содержания российско-китайского договора 2001 г., автор демонстрирует как бесспорные положительные результаты развития отношений, так и существующие в них проблемы.

Ключевые слова: российско-китайский договор, двусторонние отношения, политическое доверие.

Tenth Anniversary of the Treaty of Good-Neighborhood, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China

V.L. Larin, Phd., Professor, Director of Institute

The article deals with the nature and results of Russia — China relation in the first decade of 21st century. The author analyses these relations as a practical realization of the ideas and principles of Russia — China agreement of 2001 accentuating their main achievements and existing problems.

Key words: Agreement, Russia — China relations, political confidence.

Десять лет назад, в июле 2001 г., произошло важное событие в истории отношений современной России с Китаем. 16 июля в Кремле Президент РФ В. Путин и Председатель КНР Цзян Цзэминь подписали «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой». В Совместном заявлении глав двух государств, принятом при подписании документа, этот договор был назван «программным документом, определяющим развитие китайско-российских отношений в новом веке» [1]. Базовым и принципиальным положением договора стало обязательство сторон развивать

долгосрочные «...отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия» и делать это на основе «...соблюдения принципов и норм международного права и пяти принципов мирного сосуществования» (ст. 1).

Для обоих государств договор имел и продолжает сохранять важное идеологическое, нормативно-правовое и прикладное значение. Во-первых, он закрыл эпоху «бездоговорных отношений», которая продолжалась между Россией и Китаем более 20 лет, после истечения срока действия *Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР* от 14 февраля 1950 г. [2]. По мнению И. Рогачёва, в то время посла России в Пекине, с заключением договора «получили прочную гарантию» около двухсот действовавших на то время соглашений между СССР/Россией и Китаем [3]. Во-вторых, он оформил общность подходов двух государств ко многим вопросам внутренней политики каждого из них и процессам и явлениям международной жизни. Наконец, он стал основой для конкретных решений в различных областях двусторонних торгово-экономических и гуманитарных связей. В октябре 2004 г. стороны приняли «*План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР*» на 2005—2008 гг., который наполнил отношения российско-китайские отношения «стратегического взаимодействия и партнёрства» конкретными задачами и определил формат межгосударственных, межрегиональных и приграничных связей [4]. В ноябре 2008 г. был утверждён «*План действий*» по реализации договора на следующие четыре года (2009—2012 гг.).

Десять лет действия соглашения — достаточный срок, чтобы подвести итоги, проанализировать уже сделанное, выявить существующие проблемы, оценить перспективы. Но речь в данной статье не о самом договоре, а о его практической реализации, о российско-китайских отношениях в первое десятилетие XXI в. и о том, какими они будут в будущем. Без сомнения, эти отношения важны не только для России и Китая, не только влияют на векторы их собственного развития. Они также являются одной из доминант мировой политики. Развитие российско-китайских отношений, как отмечено в «Совместном коммюнике по итогам 15-й встречи глав правительств России и Китая» от 23 ноября 2010 г., «...не только принесло фактическую пользу народам двух стран, но и внесло важный вклад в укрепление мира и стабильности на мировой арене» [5], и, кроме того, по мнению Председателя КНР Ху Цзиньтао, ещё и «...стимулировало восстановление мировой экономики, [её] стабильное и здоровое развитие» [6].

Общепризнано, что наибольшие успехи в отношениях между Россией и Китаем достигнуты в сфере высокой политики. Превосходные степени стали уже почти обязательными в политической оценке двусторонних связей. «Небывало высокий уровень» российско-китайских отношений был впервые зафиксирован в «*Совместной декларации РФ и КНР*» от 14 октября 2004 г., а в своём последнем интервью накануне поездки в Ки-

тай в апреле 2011 г. Д. Медведев ещё раз подтвердил тезис о «высшей точке» развития российско-китайских отношений за всю их историю [7].

Свидетельств в пользу такой оценки немало. На первом месте среди них — постоянные, тесные, почти дружественные [8] контакты на высшем уровне. Они были при В. Путине, они же сохраняются и при Д. Медведеве. Только в 2010 г. Д. Медведев и Ху Цзиньтао встречались шесть раз: в апреле в Бразилии, в мае в Москве, в июне в Ташкенте и в Торонто, в сентябре — в Пекине, в ноябре — в Сеуле. С 1996 г. действует механизм ежегодных встреч глав правительств России и Китая. Последняя из них (пятнадцатая встреча) прошла 23 ноября 2010 г. в Санкт-Петербурге. Существуют и работают Комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств (во главе с заместителями глав правительств А. Жуковым и Ван Цишанем), Комиссия по гуманитарному сотрудничеству (возглавляют А. Жуков и член Госсовета КНР Лю Яньдун) и 19 межправительственных подкомиссий. Сформирован механизм консультаций по вопросам стратегической безопасности, 4-й раунд консультаций состоялся между Секретарём СБ России Н. Патрушевым и Членом Госсовета КНР Дай Бинго в декабре 2009 г. в Пекине.

Важной частью политического взаимодействия России и КНР стали парламентские контакты. В мае 2010 г. посетил Китай спикер ГД РФ Б. Грызлов, прошло четвёртое заседание парламентской комиссии по сотрудничеству между Государственной Думой и Всекитайским собранием народных представителей. 17—20 октября 2010 г. состоялись визит Председателя Совета Федерации С. Миронова в Китай и четвёртое заседание межпарламентской комиссии по сотрудничеству Совета Федерации и ВСНП.

Россия и КНР успешно координируют свои подходы к принципиальным вопросам современного миропорядка и основным международным проблемам, таким как иранская ядерная проблема и ситуация на Корейском полуострове. В 2010 г. министры иностранных дел двух государств С. Лавров и Ян Цзечи встречались семь раз, а сентябрьский саммит этого года завершился Совместным заявлением глав двух государств, в котором декларирована решимость России и Китая «...и далее работать сообща со всеми миролюбивыми государствами и народами во имя формирования справедливого и рационального международного порядка, предотвращения на планете войн и конфликтов» [9].

В ходе визита В. Путина в Китай в октябре 2004 г. был окончательно решён пограничный вопрос. 14 октября 2004 г. министры иностранных дел двух государств С. Лавров и Ли Чжаосин подписали *Дополнительное соглашение между РФ и КНР о государственной границе на её восточной части*. В *Совместной декларации* по итогам встречи в верхах в октябре 2004 г. записано, что достигнутые договорённости по вопросу о прохождении линии российско-китайской границы являются «сбалансированным и оптимальным вариантом» и «...открывают двум Сторонам дополнительные возможности для осуществления совместных действий

приграничных регионов обеих стран в таких конкретных областях, как защита окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, судоходство, хозяйственное сотрудничество, обеспечение безопасности и стабильности в районе границы» [10]. Выражаясь словами российских дипломатов, это согласование подвело «окончательную черту» под погранично-территориальной проблемой, «...нерешённость которой на протяжении 40 с лишним лет ставила оба государства на крайне опасную грань и возбуждала нездоровые настроения у населения» [11].

На фоне попыток переоценки исторического прошлого, предпринимаемых определёнными политическими силами в Европе и Азии, важный демонстрационный эффект имели общие действия России и Китая в мероприятиях, посвящённых победе СССР в Великой Отечественной войне и окончанию войны на Тихом океане. В мае 2005 г. и 2010 г. Ху Цзиньтао участвовал в торжествах по случаю 60-летия и 65-летия победы, 26 сентября 2010 г. во время официального визита в КНР Д. Медведев осмотрел Мемориальное кладбище в Люйшуне, встретился с китайскими и российскими ветеранами Второй мировой войны. Россия и Китай заявили о том, что «решительно осуждают попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников, очернить освободителей» [12]. Как утверждает российский МИД, «...практически во всех областях сотрудничества имеются межправительственные и межведомственные соглашения» [13].

Первое десятилетие XXI в. отмечено также реализацией крупных двусторонних проектов сотрудничества. Их не так много, они в основном носят гуманитарный, временами виртуальный характер и, возможно, даже выглядят бледно на фоне беспрецедентных по своим масштабам примеров сотрудничества середины 1950-х гг., когда Советский Союз создавал в новом Китае целые отрасли промышленности. Но таких проектов не было почти полвека.

К крупным двусторонним экономическим проектам можно отнести энергетическое взаимодействие, которое, по мнению китайских экспертов, «носит стратегический характер», поскольку оно «...не ограничено лишь уровнем торговых отношений, а поднято на уровень экономической стратегии и энергетической дипломатии» [14]. У всех на слуху строительство ветки нефтепровода до китайской границы и долгосрочное соглашение о поставках сибирской нефти в Китай [15], но это сотрудничество распространяется на более широкие сферы (газ, уголь, атомная и гидроэнергетика). Не случайно в 2008 г. на уровне заместителей глав правительств была создана специальная структура по энергодиалогу (И. Сечин — Ван Цишань). Прошло уже семь заседаний (7-е — 22 ноября 2010 г. в Санкт-Петербурге), достигнуты серьёзные договорённости в сфере энергетического взаимодействия.

С 1 января 2011 г. нефтепровод «Россия — Китай» официально введён в коммерческую эксплуатацию, и Россия начала выполнять соглашение о ежегодных поставках по данному трубопроводу нефти в объё-

ме 15 млн. т сроком на 20 лет. За два первых месяца этого года по нефтепроводу в Китай было перекачено 2,57 млн. т нефти [16]. На фоне масштабного импорта энергоресурсов Китая это совсем не много, и на долю России пришлось в 2010 г. лишь 7,5% всего китайского импорта нефти, но главными источниками «чёрного золота» для страны остаются страны Ближнего Востока. В перечне поставщиков нефти в КНР Россия занимает четвёртую позицию, а в условиях углубляющейся мировой конкуренции за энергоресурсы и обострения обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке значение России для Китая как стратегического партнёра в области энергетики возрастает.

К числу пока ещё виртуальных, но перспективных проектов (если только региональные власти и бизнес России отнесутся к нему с должным вниманием) относится Программа сотрудничества между регионом Восточной Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, утверждённая в сентябре 2009 г. Д. Медведевым и Ху Цзиньтао. Пока такого внимания явно недостаточно и программа является для российской стороны скорее демонстрацией интереса к сотрудничеству, чем документом для исполнения.

Результативными не только по количеству мероприятий, но и по масштабу воздействия на широкие слои населения были национальные годы России в Китае и Китая в России (2006—2007 гг.), русского и китайских языков (2009—2010 гг.). В рамках каждого из годов проведено более 200 разнообразных мероприятий, которые способствовали росту общественного интереса и лучшему узнаванию друг друга народами двух стран. Достигнута договорённость о проведении обменных годов туризма. Вполне реальное следствие этих мероприятий — некоторое, хотя и незначительное, снижение в России «градуса» страха перед «китайской экспансией».

Существуют и вполне конкретные, измеряемые результаты развития отношений. Их несколько.

Экономический: в период с 2000 по 2010 гг. объём российско-китайской торговли увеличился без малого в 10 раз (с 5,72 до 55,5 млрд. дол.); накопленных китайских инвестиций в России — со 100 млн. до 2,6 млрд. дол., российских в КНР — с 220 млн. (2001 г.) до без малого 1 млрд. дол. [17].

Гуманитарный: число россиян, побывавших в Китае, выросло с 997 тыс. чел. в 2000 г. до 2,37 млн. чел. в 2010 г. (максимум — 3,17 млн. чел. — был достигнут в 2008 г.). Однако при этом количество граждан КНР, посетивших Россию в 2010 г. (748 тыс.), было лишь на 254 тыс. больше, чем в 2000 г., но меньше, чем в 2005 г. (1,1 млн. чел.), а китайских туристов в Приморском крае насчитали в 2009 г. в 4 раза меньше, чем в 2001 г.

Региональный: с 2000 по 2010 г. объём торговли Дальнего Востока с Китаем вырос в 6,1 раза (с 1,1 до 6,9 млрд. дол.), пров. Хэйлунцзян с Россией — с 1,4 до 7,5 млрд. дол. (пик торговли был достигнут в 2008 г. — 11 млрд. дол.); количество китайских рабочих, ежегодно привлекаемых

в экономику Дальнего Востока и Забайкалья, выросло за этот же период с 15 до 90 тыс. чел.; более 60 субъектов Российской Федерации имеют, по данным посольства РФ в КНР, контакты с провинциями Китая [18].

Перечень успехов можно расширить. Очевидно, что у желающих дать позитивную оценку результатам развития отношений есть достаточно аргументов для формулирования подобных выводов. Однако не всё так безоблачно на горизонте российско-китайских отношений. Остаются проблемы экономической и культурной адаптации, исторические обиды, штампы взаимовосприятия. У противников этих отношений не меньше доводов «против», чем у сторонников «за». Подход к оценке итогов последнего десятилетия российско-китайских отношений с позиций «что не сделано» и «давайте сравним», безусловно, будет заметно более пессимистичным. Его сторонники не преминут отметить, что за прошедшее десятилетие Россия выпала из первой десятки внешнеторговых партнёров Китая, а её доля во внешнеторговом обороте КНР по-прежнему не превышает 2%; что объём торговли России с Китаем в 2010 г. был в 8,6 раз меньше торговли КНР с Европейским Союзом, в 8,2 раза — с США, в 5,4 раза — с Японией, в 3,7 раза — с Южной Кореей; что доля накопленных российских инвестиций в Китае и китайских в России составляет менее 0,5% всех иностранных инвестиций в каждом из этих государств; что Россия уже превратилась в экспортёра ресурсов и импортёра готовой продукции из Китая и т.д. Справедливо? Абсолютно! Но была ли альтернатива?

По моему глубокому убеждению, альтернативы не существовало. Менталитет и настроения российской политической и бизнес элиты в 90-е годы XX в. — первое десятилетие XXI в., так же, как алгоритм и результаты социально-экономических реформ в стране, убеждают, что эти результаты — если не предел возможного, то почти максимум желаемого. Именно традиционный пиетет перед Западом и настороженность, а нередко и подозрительность в отношении Востока со стороны и российских элит, и подавляющей массы населения страны сдерживали многочисленные попытки китайского руководства развить и углубить российско-китайские отношения.

И, наверное, закономерно, что к середине первого десятилетия нового века, именно тогда, когда наверху заговорили о «лучших в истории» двусторонних отношениях, в этих отношениях наметился определённый застой. Причины застоя стороны трактовали по-разному. Китайская сторона увидела их в недостаточном уровне взаимопонимания и взаимодоверия, источником чего служит недостаточный уровень знаний друг о друге. Российская сторона соглашалась, и в итоговом документе по результатам очередного саммита на высшем уровне в марте 2007 г. — *Совместной декларации* — было зафиксировано намерение сторон «...развивать сотрудничество в политической сфере на основе постоянного укрепления взаимодоверия» [19]. Но в *Концепции внешней политики Российской Федерации* 2008 г. главной задачей в области российско-китайских связей было названо «...приведение объёма и качества экономического взаимодействия

в соответствие с высоким уровнем политических отношений» [20], что, кстати, стопроцентно совпадает с «главной задачей» в отношении КНР аналогичной «Концепции 2000 года».

Нельзя не согласиться с оценкой китайских экспертов, что высокий уровень политического доверия на самом высоком уровне, начало которому положили М. Горбачёв и Дэн Сяопин, по-прежнему не имеет прочных административной и политической основ, широкой опоры в среде российской бюрократии и рядовых исполнителей. Во многом поэтому принимаемые «в формате политического доверия» решения остаются нереализованными. Примеров достаточно: так и не открытые консульства во Владивостоке и Харбине, не построенный мост через Амур у Благовещенска и Хэйхэ, мертворождённые приграничные торгово-промышленные комплексы, обещанные, но несостоявшиеся крупные инвестиции и т.д.

Корни недоверия к Пекину проросли очень глубоко и напрямую питают идеи о «китайской угрозе». Тезис о «жёлтой опасности» с юга выводится на основе системы предположений и допущений, основанных на «заинтересованности Китая в расширении своей территории на север», хищнической эксплуатации российских природных ресурсов и размещении избыточного населения Китая в Сибири и на Дальнем Востоке. О «тайных планах» Китая по овладению Сибирью и Дальним Востоком с начала 1990-х гг. вещают многие российские «патриоты». Как правило, мысли эти основаны не на знаниях, а на убеждениях и предположениях. Ни один из них не смог предъявить хотя бы один документ, где эти планы были бы изложены хотя бы схематично, но они априори уверены в их существовании, потому что «их не может не быть». При этом исторические карты, отображающие «отторгнутые у Китая царской Россией земли», выдаются за современные, отображающие затаённые замыслы Пекина. Страшилки о грядущей китайской экспансии заполняют пространство российского интернета [21].

Справедливо, что в поисках причин застоя и пробуксовки в отношениях китайские политологи выявляют прежде всего гуманитарные и психологические факторы и при этом обращают свои взоры преимущественно к России. Среди этих факторов — проблема «китайской угрозы» как порождение страха перед быстрым подъёмом Китая; «историческое наследие россиян» — присущие им чувства «национальной гордости, великодержавия и гегемонизма»; отсутствие единообразного подхода к Китаю внутри России; неопределённость внешней политики Москвы, опять же вследствие её неспособности отказаться от «великодержавных привычек» и проевропейского крена в политике [22]. Малоприятные для россиян выводы, но они почти не отличаются от тех, которые делают некоторые российские эксперты, оценивая российскую внешнюю политику вообще и политику в Азии, в частности.

Однако и сам Пекин возвращает антироссийские чувства у жителей Поднебесной. Продолжая воспитывать патриотические чувства

китайских школьников демонстрацией материалов об «агрессивности царской России», китайские политики закладывают в сознание своих граждан зёрна жертвенности и мести, способные в определённый момент дать мощные ростки. И дают добро на повторный выход в свет четырёхтомной «Истории агрессии царской России против Китая». Переиздание этого труда, созданного в период острого советско-китайского противостояния 70—80-х гг., сначала в 2007 г. в Шанхае, а затем в 2010 г. в Пекине, осуществлённое под эгидой Академии общественных наук КНР [23], навеивает тревожные мысли.

Несмотря на существующие проблемы, российская сторона (по крайней мере, на самом высшем уровне) сегодня в целом очень довольна характером развития отношений. Если В. Путин в бытность свою президентом ещё высказывал серьёзную озабоченность некоторыми аспектами российско-китайских отношений, прежде всего качеством российского экспорта в Китай, то Д. Медведев больше говорит о достижениях, о «колоссальном объёме экономических связей, экономического сотрудничества», «очень мощном инвестиционном сотрудничестве», важности развития отношений в области культуры. Президент искренне убеждён, что «для большинства наших граждан... наши страны остаются близкими, соседними, дружественными» [24] и российско-китайские связи никогда ранее «...не характеризовались столь высоким уровнем взаимного доверия» [25].

Китайская сторона в целом тоже удовлетворена состоянием отношений, хотя раз за разом выражает сожаление по поводу «недостаточно высокого уровня взаимного доверия». Не случайно на встрече с вновь избранным Президентом России Д. Медведевым в мае 2008 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао на первое место среди выдвинутых им четырёх предложений по «ускорению китайско-российского стратегического партнёрства» поставил «дальнейшее укрепление взаимного политического доверия, взаимной поддержки», сославшись при этом на Договор 2001 г. [26].

Для Китая, который подвергается достаточно мощному давлению со стороны Запада по многим направлениям, взаимодействие с Россией важно не столько в сфере экономики и торговли (где, как я уже отмечал выше, реальные успехи заметны в относительном исчислении, но скромны — в абсолютном и в сравнении), сколько в области внутренней и внешней политики, с точки зрения, как заметил А. Воскресенский, «неформальной политической и дипломатической поддержки» [27]. Как отмечают китайские специалисты, моральная поддержка России нужна Китаю и в решении серьёзных внутренних проблем (Тайвань, борьба против сепаратизма, сохранение политического единства страны), и чтобы «совместно противостоять давлению со стороны Запада» [28].

Москве, в свою очередь, по-прежнему недостаёт глубокого понимания ни своих интересов на Востоке, ни роли и места Китая в своих весьма расплывчатых планах и аморфных стратегиях. Вынужден повториться, но России срочно нужна стратегия продвижения в Восточную Азию

и АТР, «...стратегия с ясными целями и достижимыми результатами. Пора, наконец, понять и сказать: зачем России нужны Дальний Восток, Китай, вся Восточная Азия?» [29].

Помимо этого, как мне кажется, России и Китаю не очень хорошо удаётся «дружить» в сфере экономики. Если выделить из экономического взаимодействия энергетику, то «сухой остаток» покажется удручающим. И к тому же в процессе экономического возрождения и модернизации страны «Россия не сможет оторваться от западных капиталов и рынков», возможности же Китая влиять на Россию в этой области очень малы [30]. Возможно, что слишком пристальное внимание властей к этой области отношений даёт обратный эффект. Значительно лучше это получается в области глобальной и региональной политики и безопасности, где у Москвы и Пекина много схожих интересов и общих подходов.

Но в любом случае у российско-китайских отношений есть прочные правовая и организационная основы для дальнейшего развития. И это «в нашем бушующем мире» условие немаловажное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Московское совместное заявление глав государств России и Китая // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 153.
2. Срок действия Договора истёк в 1979 г., и правительство КНР, следуя своим принципам того времени не подписывать новые политические двусторонние базовые документы, 3 апреля 1979 г. объявило о своём решении не продлевать срок его действия.
3. Рогачёв И. Историческая веха в наших отношениях с Китаем: Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 21, 23.
4. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2005—2008 годы) // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007. С. 297—317.
5. 中俄总理第十五次定期会晤联合公报 = Совместное коммюнике по итогам 15-й встречи глав правительств Китая и России // <http://www.fmprc.gov.cn/chn/gxh/zlb/smgt/t771908.htm>.
6. 胡锦涛同俄罗斯总统梅德韦杰夫会谈 (供稿) — Информационное сообщение о переговорах Ху Цзиньтао и Президента России Медведева. 27 сентября 2010 г. // <http://www.fmprc.gov.cn/chn/gxh/tyb/zyxw/t756405.htm>.
7. Интервью Дмитрия Медведева Центральному телевидению Китая. 12 апреля 2011 г. // <http://kremlin.ru/transcripts/10911>.
8. Определение «почти что» использовано потому, что для прагматичных по сути российско-китайских отношений очень подходит русская поговорка «дружба — дружбой, а денежки — врозь». Как заметил В. Путин в своём достаточно откровенном интервью от 14 октября 2009 г., которое он давал уже в статусе главы правительства, «...в основе наших отношений лежит взаимный национальный интерес, а личные отношения — они сопровождают этот процесс» // По завершении официального визита в Китай В.В. Путин ответил на вопросы журналистов — <http://premier.gov.ru/visits/world/136/3903.html>.
9. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи

- с 65-летием окончания Второй мировой войны. 27 сентября 2010 г. // http://news.kremlin.ru/ref_notes/720.
10. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007. С. 288—289.
 11. Внуков К. Россия — Китай: углубление партнёрства и взаимодействия (к итогам визита Президента РФ В. Путина в КНР) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 26.
 12. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны // http://news.kremlin.ru/ref_notes/720.
 13. О российско-китайских отношениях // <http://www.russia.org.cn/rus/2827/31293037.print>.
 14. См.: Цзинь Цзяньхун. Итоги и перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества 2010—2011 гг. // <http://legal-way.ru/news1377.php>.
 15. Отвод на Китай от ВСТО построен в соответствии с условиями межправительственного соглашения о сотрудничестве в нефтяной сфере (февраль 2009 г.). Согласно этому документу «Роснефть» и «Транснефть» получают от китайской стороны кредиты в объёме 15 и 10 миллиардов долларов соответственно в обмен на гарантии поставок нефти в течение 20 лет 300 млн. т нефти (по 15 млн. т в год).
 16. Российская газета. 2011. 1 марта.
 17. Эти цифры взаимных инвестиций на 2010 г. озвучил Д. Медведев в интервью китайским СМИ // Интервью Дмитрия Медведева Центральному телевидению Китая. 12 апреля 2011 г. // <http://kremlin.ru/transcripts/10911>.
 18. О российско-китайских отношениях // <http://www.russia.org.cn/rus/2827/31293037.print>.
 19. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007... С. 492.
 20. Концепция внешней политики Российской Федерации // <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument>
 21. См.: Храмчихин А. Как Китай раздавит Россию. Война будет короткой: У России нет шансов // Агентство политических новостей. 2008. 23 июля — <http://www.apn.ru/publications/article20421.htm> (дата обращения: 14.04.2011).
 22. 黄登学. 中俄战略协作伙伴关系析论 = Хуан Дэньсюэ. Анализ отношений стратегического партнёрства между Китаем и Россией // 东北亚论坛. 2008. № 3. С. 37—40.
 23. 沙俄侵华史 (四卷五册) = История агрессии царской России против Китая. В 4 т., 5 кн. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2010.
 24. Интервью Дмитрия Медведева Центральному телевидению Китая. 12 апреля 2011 г. // <http://kremlin.ru/transcripts/10911>.
 25. Интервью Дмитрия Медведева китайской газете «Жэньминь жибао». 26 сентября 2010 г. // <http://kremlin.ru/news/9020>
 26. 胡锦涛主席与梅德韦杰夫总统会谈 = Переговоры Председателя Ху Цзиньтао и Президента Медведева. 24 мая 2008 г. // <http://www.fmprc.gov.cn/chn/zxxx/t439773.htm>
 27. Круглый стол в ПДВ. Меняющийся Китай в меняющемся мире // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 67.
 28. См.: 赵鸣文. 中俄关系的历史性发展 = Чжао Минвэнь. Исторический характер развития китайско-российских отношений // 国际问题研究. 2009. № 5. С. 19—23.
 29. См.: Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века // Свободная мысль». 2007. № 2.
 30. Хуан Дэньсюэ. Указ. соч. С. 40.